

Одна история

Автор:

Джулиан Барнс

Одна история

Джулиан Патрик Барнс

Большой роман

Впервые на русском – новейший (опубликован в Британии в феврале 2018 года) роман прославленного Джулиана Барнса, лауреата Букеровской премии, командора Французского ордена искусств и литературы, одного из самых ярких и оригинальных прозаиков современной Британии. «Одна история» – это «проницательный, ювелирными касаниями исполненный анализ того, что происходит в голове и в душе у влюбленного человека» (The Times); это «более глубокое и эффективное исследование темы, уже затронутой Барнсом в „Предчувствии конца“ – романе, за который он наконец получил Букеровскую премию» (The Observer).

«У большинства из нас есть наготове только одна история, – пишет Барнс. – Событий происходит бесчисленное множество, о них можно сложить сколько угодно историй. Но существенна одна-единственная; в конечном счете только ее и стоит рассказывать». Итак, познакомьтесь с Полом; ему девятнадцать лет. В теннисном клубе в тихом лондонском пригороде он встречает миссис Сьюзен Маклауд; ей сорок во семь. С этого и начинается их единственная история – ведь «влюбленным свойственно считать, будто их история не укладывается ни в какие рамки и рубрики»...

Джулиан Барнс

Одна история

Посвящается Гермионе

Новелла: небольшая повесть, обычно о любви.

Сэмюэл Джонсон.

Словарь английского языка (1755)

Julian Barnes

THE ONLY STORY

Copyright © 2018 by Julian Barnes

All rights reserved

© Е. Петрова, перевод, 2018

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»,
2018

Издательство Иностранка®

* * *

Проницательный, ювелирными касаниями исполненный анализ того, что
происходит в голове и в душе у влюбленного человека.

The Times

«Одна история» – более глубокое и эффективное исследование темы, уже затронутой Барнсом в «Предчувствии конца» (романе, за который он наконец получил Букеровскую премию)...

The Observer

Своего рода завершение условной трилогии, начатой Барнсом в книге воспоминаний «Нечего бояться» и продолженной романом «Предчувствие конца»: размышление о времени и о природе памяти, взгляд уже зрелого человека на юношескую любовь, определившую всю его жизнь...

The Guardian

Заявленная в названии «одна история» – это, разумеется, история любви. К добру или к худу, говорит Барнс, но у каждого из нас есть своя история любви, сделавшая нас теми, кто мы есть.

The Herald

Мы прекрасно понимаем, что никакой «единственной истории» в современном мире быть не может: есть только разные версии, разные перспективы, разные интерпретации, разные голоса. И перспектива тут действительно смещается, но не от персонажа к персонажу, а в зависимости от того, насколько рассказчик способен удерживать себя в центре своего рассказа: в первой части повествование ведется от первого лица, во второй части – во втором лице и в третьей – в третьем.

New Statesman

Вопросы соотношения слов и реальности, разрыв между ощущением и описанием – вот философская проблематика, интересующая Барнса-романиста. В этом смысле он близок к Айрис Мердок, с которой его роднит безупречно английское чувство абсурдного.

Times Literary Supplement

Тонкий юмор, отменная наблюдательность, энергичный слог – вот чем Барнс давно пленил нас и продолжает пленять.

The Independent

В своем поколении писателей Барнс безусловно самый изящный стилист и самый непредсказуемый мастер всех мыслимых литературных форм.

The Scotsman

Джулиан Барнс – хамелеон британской литературы. Как только вы пытаетесь дать ему определение, он снова меняет цвет.

The New York Times

Как антрепренер, который всякий раз начинает дело с нуля, Джулиан никогда не использует снова тот же узнаваемый голос... Опять и опять он изобретает велосипед.

Джей Макинерни

Лишь Барнс умеет с таким поразительным спокойствием, не теряя головы, живописать хаос и уязвимость человеческой жизни.

The Times

По смелости и энергии Барнс не имеет себе равных среди современных британских прозаиков.

New Republic

Современная изящная британская словесность последних лет двадцати – это, конечно, во многом именно Джулиан Барнс.

Российская газета

Тонкая настройка – ключевое свойство прозы букеровского лауреата Джулиана Барнса. Барнс рассказывает о едва уловимом – в интонациях, связях, ощущениях. Он фиксирует свойства «грамматики жизни», как выразился один из его героев, на диво немногословно... В итоге и самые обыденные человеческие связи оборачиваются в его прозе симфонией.

Майя Кучерская

(Psychologies)

До начала работы я никогда не выстраиваю группу персонажей, с которыми потом неизвестно что делать. Я представляю себе некую ситуацию, невероятную дилемму, нравственный или эмоциональный тупик и только после этого задаюсь вопросами: с кем такое могло произойти, где и когда. В некотором смысле нынешнее произведение выросло из романа «Предчувствие конца», в центре которого находятся отношения – о них нам ничего не рассказывают – между юношей и немолодой женщиной. С помощью интуиции мы по крохам собираем разбросанные тут и там скудные доказательства. Здесь же, напротив, нам рассказывают все; впрочем, эта пара не имеет ничего общего с той, предыдущей.

Первой любви свойствен дополнительный моральный абсолютизм – ее попросту не с чем сравнивать. Ты еще ничего не знаешь, но вместе с тем у тебя появляется ощущение, что ты знаешь все: эти чувства могут обернуться бедствием. Вспомним Тургенева, одного из величайших прозаиков, писавших о

любви. Повесть «Первая любовь» основана на его собственном юношеском опыте. Тринадцатилетним подростком он безумно увлекся девушкой лет двадцати, но сделал убийственное открытие: она – возлюбленная его отца. Пол, герой нынешнего романа, говорит, что первая любовь накладывает отпечаток на всю дальнейшую жизнь: либо как пример, либо как контрпример. Впоследствии Тургенев влюблялся еще не раз, но в итоге остановился на взаимоприемлемом *ménage à trois* с выдающейся певицей Полиной Виардо и ее супругом. Трудно не связать это «безопасное» решение с теми ожогами, которые оставила у него в душе первая любовь.

Джулиан Барнс

Часть первая

Что бы вы предпочли: любить без меры и без меры страдать или же любить умеренно и страдать умеренно? Это, на мой взгляд, кардинальный вопрос.

* * *

Быть может, кто-то возразит – и будет прав, – что вопрос так не ставится. Выбора-то не существует. Будь у нас выбор, можно было бы поразмыслить. Но выбора нет, а значит, нет и предмета для размышлений. Разве мы способны регулировать меру любви? Если да, то любовь тут ни при чем. Как именно это называется – не знаю, но точно не любовь.

* * *

У большинства из нас есть наготове только одна история. Не поймите превратно – я вовсе не утверждаю, будто в жизни каждого случается лишь одно событие. Событий происходит бесчисленное множество, о них можно сложить сколько угодно историй. Но существенна одна-единственная; в конечном счете только ее и стоит рассказывать. Здесь рассказана моя история.

* * *

Но тут возникает первая загвоздка. Если история – одна-единственная, значит человек не раз ее пересказывал, хотя бы самому себе, как происходит и здесь. Тогда вопрос: приближают эти пересказы истинную картину событий или отдаляют? С уверенностью сказать не могу. Есть такой способ это проверить: посмотреть, становится с годами рассказчик в своем изложении достойнее или ничтожнее. Нарастание ничтожности указывает, вероятно, на более высокую степень правдивости. Вместе с тем ретроспективный взгляд таит в себе опасность антигероики: самокритика может оказаться специфической формой самовосхваления. Так что мне надо проявить осмотрительность. Что ж, с годами я научился быть осмотрительным. Сейчас я столь же осмотрителен, сколь прежде был безогляден. Или безрассуден? Бывает у одного слова два антонима?

* * *

Время, место, социальная среда? Не знаю, насколько они важны в рассказах о любви. Возможно, в старинных книгах, в классической литературе, где ведутся битвы между любовью и долгом, любовью и верой, любовью и отечеством. Эта история – другого рода. Но если уж вы так настаиваете... Время: более полувека назад. Место: южнее Лондона, милях в пятнадцати. Социальная среда: как раньше говорилось, «маклерский пояс», правда биржевых маклеров я там в глаза не видел. Особняки – либо фахверковые, либо облицованные камнем. Живые изгороди из вечнозеленых кустарников, лавра и бука. Еще не знающие желтой разметки и парковочных «карманов» шоссе с придорожными канавами. В ту пору на пути в Лондон можно было припарковаться почти в любом месте. Наша пригородная зона носила уютное прозвание «Деревня» и когда-то давно, по всей видимости, таковой и считалась. Затем там построили железнодорожный вокзал, откуда мужчины в костюмах отправлялись на работу в Лондон с понедельника по пятницу, а некоторые еще и на дополнительные полдня по субботам. Появились остановка междугородного автобуса, пешеходный переход, отмеченный оранжевыми сигнальными маячками, почтовое отделение, церковь, освященная без затей в честь святого Михаила, паб, универмаг, аптека, парикмахерская, а также бензоколонка и при ней небольшой автосервис. По утрам гудели в рожок развозчики молока: покупатели могли выбирать между фирмами «Экспресс» и «Юнайтед дэйриз»; по вечерам и в выходные дни (кроме субботы) стрекотали бензиновые газонокосилки.

На деревенском лугу шумно и неумело играли в крикет; имелось поле для гольфа, действовал теннисный клуб. Садоводов радовала супесчаная почва – лондонская глина до этих мест не дотягивалась. Недавно в Деревне открылась кулинария, чей европейский ассортимент – копченые сыры и похожие на связки ослиных пенисов шишковатые купаты – некоторые сочли диверсией. При этом молодые хозяйки стали готовить более изобретательно, и мужья в большинстве своем только радовались. Из двух доступных телеканалов большей популярностью пользовался Би-би-си, нежели Ай-ти-ви; спиртное обычно пили только после рабочей недели. В аптеке предлагались хоть пластыри от бородавок, хоть сухой шампунь в пузатых флакончиках, но только не противозачаточные средства; в универмаге лежала снотворная «Эдвертайзер энд газетт», но никакой порнографии, даже мягкой, не было и в помине. За товарами интимного назначения приходилось ездить в Лондон. Живя в Деревне, я в основном спокойно относился к этим ограничениям.

* * *

Ну ладно, повыступал в качестве риелтора, и хватит (в десяти милях располагалось настоящее агентство по недвижимости). И еще: не спрашивайте меня о погоде. Ну, не могу я упомянуть погодные условия, сопутствовавшие моей жизни. Я только усвоил, что жаркое солнце активно побуждает к сексу, что первый снег вызывает восторг, а холод и сырость провоцируют те ранние симптомы, которые в конечном счете приводят к двухполюсному протезированию тазобедренного сустава. Но ни одно важное событие моей жизни не имело своим фоном, а тем более причиной какие-либо погодные условия. Так что, если позволите, метеорология будет исключена из моего рассказа. Впрочем, если я упомяну, что играл в теннис на травяном корте, никто не помешает вам заключить, что в тот момент не было ни дождя, ни снега.

* * *

Теннисный клуб: кто бы мог подумать, что начнется все именно там? В юности я считал это место пригородным филиалом молодежного крыла партии консерваторов. У меня была ракетка, я немного играл, но точно так же мог выполнить пару полезных оверов в крикете и постоять на воротах в футболе – надежно и подчас с долей риска. Не обладая особыми талантами, в спорте я был азартен.

По окончании первого курса я приехал на три месяца домой, где откровенно и бессовестно скучал. Нынешняя молодежь даже не представляет, насколько затруднены были тогда всякие контакты. Почти все мои друзья разлетелись на каникулы кто куда, а телефонные звонки – ввиду негласного, но отчетливого родительского неодобрения – сводились к минимуму. Письмо, ответное письмо. Тягомотное, одинокое занятие.

Моя мать – видимо, в надежде, что я встречу какую-нибудь милую блондиночку Кристину или бойкую Вирджинию с черными локонами (и то и другое вполне отвечало устойчивой, хотя и неявной консервативной традиции) – предложила мне записаться в теннисный клуб. И даже выразила готовность оплатить мое членство. Я про себя посмеялся над подоплекой материнского предложения: в мои планы совершенно не входило обосноваться в предместье с клубной женой-теннисисткой, произвести на свет среднестатистические два целых и четыре десятых ребенка, а когда придет срок – проследить, чтобы каждый из детей нашел себе пару в теннисном клубе, – и так далее, словно в гулкой анфиладе зеркальных комнат, ведущих к бесконечному листопадно-вечнозеленому будущему. На мамино предложение я согласился, но воспринял его в сугубо сатирическом ключе.

* * *

Записался; получил приглашение «войти в игру». Целью такого приглашения была безмолвная, по-английски тактичная проверка не столько спортивного мастерства, сколько общего уровня и светских манер. Если ничего отрицательного за тобой не замечали, в тебе автоматически признавались положительные качества; вот так это работало. Мамиными заботами моя теннисная форма приобрела безупречную белизну, а шорты украсились отчетливыми параллельными стрелками; на корте я не позволял себе бранных слов и старательно сдерживал отрывку и газы. При ударе справа активно работал кистью; в целом выглядел самоучкой-оптимистом, то есть играл так, как от меня ожидали, избегая своих любимых подрезок и не целясь сопернику в корпус. Поддача, выход к сетке, удар с лета, еще один удар с лета, укороченный, свеча, готовность оценить противоборствующую сторону («Супер!») и проявить заботу о партнере («Я!»). Выиграв мяч, я не заносился; победе радовался сдержанно; скорбно качал головой, когда проигрывал сет. Притворство давалось мне легко, так что круглогодичные Хьюго и Каролины охотно взяли меня под крыло как летнего игрока.

Хьюго наперебой повторяли, что я повысил средний ай-кью теннисного клуба и вместе с тем понизил средний возраст; один упорно говорил мне «Эрудит» и «Герр Профессор», тонко намекая на то, что я окончил первый курс Сассекского университета. Каролины обращались со мной вполне приветливо, хотя и с настороженностью; им было виднее, как держаться в присутствии Хьюго. Это племя выхолащивало мой природный азарт. Я старался как можно техничнее выполнять каждый удар, но не рвался к победе, а временами даже играл в поддавки. При малозаметном ауте показывал сопернику два больших пальца и выкрикивал «Супер!». Аналогичным образом подачу, где-то на дюйм выходящую за линии, я встречал медленным кивком и переходом на другую половину площадки в ожидании следующей подачи. «Славный малый», – сказал как-то про меня один Хьюго другому, а я услышал. Если мне случалось проиграть, то во время финального рукопожатия соперник непременно слышал от меня похвалу в адрес той или иной особенности своей игры. «Поддачи в левый угол – все навывлет», – проникновенно говорил я. Не рассчитывая задерживаться в теннисном клубе более чем на пару месяцев, я не хотел раскрываться перед посторонними.

* * *

Примерно через три недели после оформления моего временного членского билета клуб организовал турнир смешанных пар, образованных при помощи жеребьевки. Участники тянули бумажки с именем партнера. Позже мне, помнится, пришло в голову выражение «счастливый жребий»: не зря же так говорится, правда? Моей партнершей оказалась миссис Сьюзен Маклауд – явно не Каролина. По моим прикидкам, ей слегка перевалило за сорок; волосы, стянутые на затылке лентой, открывали уши, но это я заметил не сразу. На корт она вышла в белом теннисном платье с зеленым кантом и зелеными пуговками на груди. Практически одного роста со мной, а во мне, когда я вытягиваюсь в положении лежа и тем самым прибавляю себе пару сантиметров, можно намерить метр семьдесят пять.

– Какую выбираешь? – спросила она.

– В смысле?

– Правую сторону или левую?

– А, простите. На самом деле мне все равно.

– Тогда для начала вставай на правую.

В первом матче – играли по одному сету на вылет – нашими соперниками оказались раскормленный Хьюго и квадратная Каролина. Я носился по площадке, считая своим долгом брать на себя как можно больше мячей, и поначалу, когда оказывался у сетки, оборачивался посмотреть, как справляется моя партнерша и отбит ли мяч. Каждый раз я убеждался, что мяч отбит хорошим ударом с отскока, и вскоре расслабился, перестал вертеть головой и почему-то очень-очень захотел выиграть. Мы победили со счетом 6:2. Когда мы сидели со стаканами лимонно-ячменного напитка, я сказал:

– Спасибо, что прикрывали мне тыл.

Пару раз я тянулся вдоль сетки, чтобы перехватить мяч, но не успевал и только раздражал миссис Маклауд.

– Обычно говорится: «Хорошая игра, партнер». – У нее были серо-голубые глаза и неугасающая улыбка. – И на подаче попробуй встать чуть ближе к боковой линии. Угол будет острее.

Я кивнул и принял к сведению ее совет, не испытав ни малейшего щелчка по самолюбию, чего было бы не избежать, поступи этот совет от какого-нибудь Хьюго.

– Что-то еще?

– В парной игре самое уязвимое место – середина.

– Благодарю вас, миссис Маклауд.

– Сьюзен.

– Хорошо, что не Каролина, – вырвалось у меня.

Она усмехнулась, как будто точно знала, что имеется в виду. Но возможно ли такое?

– Ваш супруг тоже играет?

– Мой супруг? Мистер СБ? – Она рассмеялась. – Нет. Он признает только гольф. Я считаю, это в высшей степени неспортивно: бить по лежащему мячу. Ты согласен?

Ее ответ содержал такое количество смыслов, что я не сразу въехал, а потому лишь кивнул и хмыкнул себе под нос.

Второй матч оказался труднее – против пары, которая постоянно прерывала игру для неспешного, как при подготовке к свадьбе, обсуждения тактических вопросов. В какой-то момент я воспользовался дешевой уловкой: на подаче миссис Маклауд присел ниже края сетки, чтобы отвлечь принимающего. Пару очков мы таким способом выиграли, но при счете 30:15, заслышав удар подачи, я слишком быстро выпрямился и получил мячом прямо в затылок. Театрально согнувшись, я рухнул под сетку. Кэролайн и Хьюго бросились ко мне, изображая обеспокоенность, а сзади слышался только безудержный смех и совсем уж детское «Переподача?», что, естественно, тут же оспорили наши противники. Этот сет мы вырвали со скрипом – и вышли в полуфинал.

– Партия будет непростая, – предупредила миссис Маклауд. – Совсем другой уровень. Эти игроки уже слегка сдают позиции, но подарков не жди.

Подарков и не случилось. Невзирая на мою суету, нас разгромили. Если я пытался контролировать середину площадки, мяч срезали кроссом; когда закрывал углы, мяч прыгал по линии между квадратами подачи. Мы взяли всего два гейма, но большего и не заслуживали.

Присев на скамью, мы зачехлили ракетки. У меня была «Данлоп максплей», у нее – «Грей».

– Извините, что подвел вас, – сказал я.

– Никто никого не подвел.

– Очевидно, моя слабая сторона – тактическая наивность.

Допустим, это прозвучало слегка напыщенно, и все равно меня удивили ее смешки.

– Тебе бы расхаживать с кейсом, – выговорила она. – Пожалуй, я буду звать тебя Кейси.

Я улыбнулся. Мне понравилась идея с кейсом.

У развилки дорожек, ведущих к душевым, я спросил:

– Разрешите вас подвезти? Я на машине.

Она посмотрела на меня как-то искоса:

– Ну, не будь у тебя машины, разрешить было бы проблематично. – В ее ответе прозвучало нечто такое, что не позволило мне обидеться. – А как же твоя репутация?

– Моя репутация? – переспросил я. – У меня вроде бы ее нет.

– Неужели? Значит, нам придется ее создать. У каждого молодого человека должна быть хоть какая-то репутация.

* * *

Сейчас, когда я делаю свои записи, в этой реплике сквозит больше проникательности, чем тогда. Ведь «ничего не произошло». Я высадил миссис Маклауд на Даккерс-лейн, а сам поехал домой и вкратце описал родителям события того дня. Турнир смешанных пар. Жеребьевка.

– Победный четвертьфинал, Пол, – изрекла мама. – Знать бы наперед, я непременно пришла бы за тебя поболеть.

Мне подумалось, что сегодня – и впредь тоже – это было бы совсем некстати.

* * *

Наверное, вы предвосхищаете события, но я вас не виню. Услышав историю нового знакомства, мы привычно помещаем ее в готовую рубрику. Со стороны виднее, где общее место, где банальность, тогда как сами участники событий видят лишь то, что глубоко лично и могло произойти только с ними. Мы говорим: до чего же предсказуемо; они говорят: как неожиданно! В ту пору, да и много лет спустя при мысли о нас двоих меня вечно преследовала нехватка слов – во всяком случае, уместных – для описания наших отношений. Кстати, это, видимо, распространенная иллюзия: влюбленным свойственно считать, будто их история не укладывается ни в какие рамки и рубрики.

* * *

Моя мама, естественно, не страдала от нехватки слов.

Как уже было сказано, я подвез миссис Маклауд до дома – и ничего не произошло. Такое повторилось еще раз, потом еще. Впрочем, «ничего» можно понимать по-разному. Не было ни прикосновений, ни поцелуев, ни признаний, не говоря уже об интригах и планах. Однако уже тогда, судя по одним лишь нашим позам, еще до того, как миссис Маклауд со смехом бросила мне пару фраз, прежде чем уйти по дорожке к дому, между нами зрел сговор. Заметьте: не сговор о каких-либо действиях. А просто сговор, в силу которого и она, и я в большей степени становились самими собой.

Будь у нас на уме интрига или план, мы бы держались иначе. По всей вероятности, назначали бы тайные встречи, шифровали свои намерения. Но мы были сама невинность, а потому меня поразило, когда мать, нарушив невыносимую скуку домашнего ужина, вдруг спросила:

– Мы теперь подрабатываем частным извозом?

Ответом ей был мой недоуменный взгляд. Мать вечно прижимала меня к стенке. Отец по характеру был мягче и не судил слишком строго. Всегда надеялся, что проблемы рассосутся сами собой, не будил лиха, пока оно тихо, и не гнал волну; мать же, напротив, смотрела правде в глаза и не замечала мусор под ковер.

Именно таким набором затертых клише я и характеризовал скрипучую телегу родительского брака в свои бескомпромиссные девятнадцать лет. Впрочем, коль скоро берешься судить, надо признаться, что «скрипучая телега» – тоже затертое клише. Но в студенческие годы я ничего такого не признавал, а потому испепелил мать молчаливой враждебностью.

– Миссис Маклауд того и гляди растолстеет, если ты не оставишь ей возможности ходить пешком, – желчно гнула свое моя мать.

– Она постоянно играет в теннис. – Я изобразил небрежность.

– Миссис Маклауд, – продолжала мама. – Как ее по имени?

– Понятия не имею, – солгал я.

– Ты знаком с Маклаудами, Энди?

– В гольф-клуб ходит некий Маклауд, – сказал отец. – Коротышка, толстяк. По мячу бьет с ненавистью.

– Не пригласить ли нам их на бокал хереса?

От такой перспективы я содрогнулся, но папа ответил:

– Да как-то повода не предвидится.

– Ладно, там видно будет. – Но мать не собиралась отступаться. – Мне казалось, у нее велосипед есть.

– Сколько ты всего о ней вдруг знаешь-то! – фыркнул я.

– Ты как со мной разговариваешь, Пол? – Мать залилась краской.

– Оставь парня в покое, Бетс, – беззлобно сказал отец.

– Это не я должна оставить его в покое.

– Мамочка, можно, пожалуйста, выйти из-за стола? – заскулил я тоном восьмилетнего мальчика.

Если со мной тут обращались как с ребенком, то...

– А может, и стоит позвать их на бокал хереса.

Я не понял: то ли отец вообще ничего не соображает, то ли причудливо иронизирует.

– И ты придержи язык! – взвилась мать. – Он не от меня нахватался дерзостей.

* * *

Назавтра я опять пошел в теннисный клуб и через день тоже. Без всякого настроения играя микст с двумя Каролинами и одним Хьюго, на корте позади нас я заметил Сьюзен. Пока она была у меня за спиной, все шло обычным порядком. Но когда мы поменялись сторонами и я сквозь пару соперников увидел, как она раскачивается с пятки на носок, готовясь к приему подачи, счет нашей партии тут же перестал меня интересовать.

Потом я предложил ее подвезти.

– Только если ты на машине.

Я промямлил нечто маловразумительное.

– Чтоский, мистер Кейси?

Стоим лицом друг к другу. Мне не по себе – и одновременно легко. На ней все то же теннисное платье, и меня гложет вопрос: эти зеленые пуговицы действительно расстегиваются или нашиты для красоты? Такие женщины мне прежде не встречались. Наши лица – на одном уровне: носы, губы, уши. Она явно думает о том же.

– На каблуках я бы возвышалась над сеткой, – говорит она. – А так мы на равных: глаза в глаза.

Не могу взять в толк: это с ее стороны уверенность или нервозность, обычная ли это манера или адресованная мне одному. Судя по разговору – флиртует, но тогда я этого не ощущал.

Складной верх своего «моррис-майнора» я опустил. Если, черт побери, я занимаюсь частным извозом, пусть Деревня, будь она трижды проклята, полюбуется на пассажиров. Точнее, на пассажирку.

– Да, кстати, – начинаю я, сбрасывая скорость и переключаясь на вторую передачу. – Мои родители, кажется, хотят пригласить вас с мужем на бокал хереса.

– Силы небесные! – Она зажимает рот ладонью. – Мистера Слоновьи Брюки я никуда с собой не беру.

– Почему вы его так называете?

– Да как-то само собой вышло. Развешивала его одежду, и в глаза бросились эти серые шерстяные брюки, причем несколько пар, широченные, я подняла перед собой одну пару и подумала, что в таких штанах он может изображать на маскараде заднюю часть слона.

– Он бьет по мячу с ненавистью, как говорит мой отец.

– Да, пожалуй. Что еще говорят?

– Мама говорит, что вы располнеете, если я постоянно буду вас подвозить.

Ответа нет. Я торможу возле ее дома и смотрю вдаль. Она сидит с озабоченным, если не мрачным видом.

– Порой я забываю о других. Об их существовании. То есть о посторонних. Прости, Кейси, быть может, мне следовало... ну, не то чтобы... господи...

– Ерунда, – твердо заявляю я. – Вы же сами сказали, что у молодого человека вроде меня должна быть хоть какая-то репутация. Похоже, сейчас у меня репутация таксиста. На лето ее хватит.

Она все еще подавлена. Через некоторое время тихо произносит:

– Прошу, Кейси, не ставь на мне крест.

Да с какой стати, если я по уши втюрился?

* * *

Вообще говоря, какие слова можно подобрать в наше время для описания отношений между девятнадцатилетним юнцом, еще даже не вполне зрелым мужчиной, и сорокавосемилетней женщиной? В таблоидах мелькают штампы типа «любительница свежатишки» и «карманный мальчик». Но в ту пору этих выражений еще не было, хотя почва для них готовилась заблаговременно. Можно вспомнить и французские романы, в которых немолодые женщины обучают юношей – о-ля-ля! – «искусству любви». Однако ничего французского в наших отношениях, да и в нас самих не наблюдалось. Возвращенные Англией, мы использовали только эти морализаторские именованья: блудница, распутница. Но в Сьюзен не было ровным счетом ничего от блудницы, а впервые в жизни услышав слово «распутница», она подумала, что это искаженное «распутица».

Сегодня мы свободно обсуждаем коммерческий секс, рекреационный секс. В прежние времена рекреационного секса не было. То есть, может, и был, только назывался по-другому. В то время, в том месте была любовь, был секс, а порой встречалось их сочетание, иногда неуклюжее, иногда гладкое, у кого-то удачное, у кого-то наоборот.

* * *

Вот мой разговор с родителями (читай: с матерью), типично английский разговор, в котором абзацы враждебности ужимаются до пары фраз.

– Но мне девятнадцать лет.

– Вот именно – всего девятнадцать.

* * *

Каждый из нас оказался у другого вторым: по сути, мы хранили квазицеломудрие. Я прошел инициацию – обычную смесь уговоров, тревог, суеты и оплошностей – с университетской подружкой в конце первого курса; Сьюзен, которая четверть века была замужем и родила двоих детей, не намного опередила меня в этом плане. Оглядываясь назад, можно сказать, что, будь у нас больше опыта, все могло бы сложиться иначе. Но кто из влюбленных станет оглядываться назад? И вообще, что я подразумевал: «больше опыта в сексе» или «больше опыта в любви»?

Впрочем, не буду опережать события.

* * *

В тот первый день, когда я в белоснежной форме вышел на корт с ракеткой «Данлоп максплей», в тесном помещении клуба устроили чаепитие. Как я понял, «костюмчики» все еще оценивали меня с точки зрения приемлемости. Проверяли, с учетом всех деталей, на степень принадлежности к среднему классу. Кто-то прошелся насчет длины моих волос, прихваченных головной повязкой. И почти сразу вслед за этим мне задали вопрос о политике.

– К сожалению, политика меня даже отдаленно не интересует, – ответил я.

– Значит, ты из консерваторов, – заключил один из членов правления, и мы все посмеялись.

Пересказываю этот разговор Сьюзен: она кивает и говорит:

– Я голосую за лейбористов, но помалкиваю. Вернее, помалкивала до этой минуты. Что вы скажете на сей счет, пернатый мой дружок?[1 - «Fine and feathered friend» – из песни Джона Мерсера и Ричарда Уайтинга «Peter Piper», основанной на детской скороговорке и исполненной оркестром Бенни Гудмена в 1936 г.]

Отвечаю, что меня это никак не касается.

* * *

Перед моим первым посещением дома Маклаудов Сьюзен велела мне пройти через заднюю калитку и дальше садом; я только приветствовал такое отсутствие церемоний. Калитка оказалась не заперта; я ступил на мощенную кирпичом хлипкую дорожку, миновал компостные кучи и бочки листовенного перегноя, глиняный горшок с раскидистым кустом ревеня, квартет кудрявых яблонь и огородные грядки. Расхристанный старикашка-садовник перекапывал квадратный клочок земли. Я одобрительно кивнул, как уверенный в себе начинающий ученый – земледельцу. Тот кивнул мне в ответ.

Сьюзен поставила чайник; тем временем я огляделся. Дом почти не отличался от нашего, только в нем присутствовал некий шик; а если конкретно – старинные вещи, судя по всему, перешли сюда не из комиссионного магазина, а по наследству. Торшеры желтели пергаментными абажурами. Во всем сквозила не то чтобы неряшливость, а какая-то беззаботность. В коридоре лежала сумка с клюшками для гольфа; после обеда, если не со вчерашнего вечера, осталась пара бокалов. У нас в доме порядок соблюдался неукоснительно. Там без конца расставляли что-то по местам, орудовали щеткой, мыли, наводили глянец, чтобы не стыдно было перед нежданными гостями. Но кто мог нагрянуть к нам в гости? Викарий? Местный полицейский? Сосед, которому потребовалось сделать телефонный звонок? Коммивояжер со своим товаром? На самом деле без приглашения не заходил никто, а потому беспрестанная уборка и протирка виделись мне безнадежным пережитком прошлого. А сюда явно заходили визитеры вроде меня, и при этом, как наверняка заметила бы моя мать, дом выглядел запущенным, словно тут две недели не вытирали пыль.

– Какой у вас работающий садовник. – Я не придумал ничего лучше, чтобы начать беседу.

Уставившись на меня, Сьюзен хохочет.

– Садовник? Это, между прочим, сам хозяин! Его светлость.

– Прошу меня извинить. Пожалуйста, не говорите ему. Мне показалось...

– Ничего-ничего. Я рада, что он так органично смотрится. Как образцовый садовник. Ветхий Адам. – Она протягивает мне чашку чая. – Молоко? Сахар?

* * *

Надеюсь, вы понимаете, что я рассказываю так, как запомнил? Дневников я никогда не вел, а почти все действующие лица моей истории – да что там истории! моей жизни! – либо уже сошли в могилу, либо разбросаны по свету. Факты не обязательно излагаются у меня в хронологической последовательности. По-моему, память блюдет особого рода достоверность, ничуть не уступающую реальности. Производя отбор и отсев, память угождает вспоминающему. Есть ли у нас доступ к алгоритму ее приоритетов? Наверное, нет. Однако рискну предположить, что память расставляет приоритеты так, чтобы удержать на плаву своего хранителя. А у него имеется собственный интерес: в первую очередь выталкивать на поверхность наиболее счастливые воспоминания. Но опять же, это лишь мои домыслы.

* * *

Например, я помню, как однажды ночью лежал без сна из-за мощной эрекции, которая, по мнению безрассудной или безалаберной юности, дается мужчине на всю жизнь. Но тут – случай особый. Понимаете, эрекция была, так сказать, обобщенной, не спровоцированной ни кем-либо из знакомых, ни сновидением, ни фантазией. Она родилась из праздника молодости. Молодости ума, сердца, пениса, души – просто вышло так, что пенис наиболее четко выразил это обобщенное состояние.

* * *

Мне кажется, в юности мы едва ли не все время думаем, но почти не размышляем о сексе. Одержимые вопросами «с кем», «где», «когда», «как», а еще чаще – одним большим «если», мы упускаем из виду все «почему» и «до какого предела». Еще не имея опыта, мы уже знакомимся с сексом понаслышке, причем в наши дни это знакомство происходит гораздо раньше, чем прежде, неся с собой более зримые и обширные сведения. Но подпитывается оно все той же мешаниной из сентиментальности, вранья и порнографии. Сегодня мое

отрочество видится мне сплошным буйством пениса, которое даже не позволяло разглядеть объект желаний.

Быть может, я разучился понимать молодых. Мне бы хотелось выяснить, как обстоит дело с этим вопросом у нынешних ребят и их друзей, но приставать с расспросами неловко. Наверно, я и в молодости не понимал молодежь. Такое тоже случается.

* * *

Но если хотите знать, я не завидую молодым. Бывало, в приступе отроческой ярости и дерзости у меня возникал вопрос: зачем еще нужны старики, как не для того, чтобы завидовать юности? В этом виделась мне их основная пожизненная миссия, за которой – только вымирание. Как-то вечером, отправившись встречать Сьюзен, я дошел до пешеходного перехода в нашей Деревне, и, невзирая на приближение автомобиля, что-то толкнуло меня на проезжую часть. Взвизгнули тормоза; водитель меня обсигналил. Я прирос к месту прямо у капота и уставился на водителя. Надо признаться, выглядел я вызывающе: патлатый, в лиловых джинсах – и молодой; гнусный, омерзительный юнец. Опустив стекло, водитель обложил меня матом. Я ухмыльнулся и подошел вплотную, готовый к стычке. Но оказалось, он уже в возрасте: гнусный, омерзительный старик с дурацкими красными ушами. Вы ведь знаете, правда, такие уши: мясистые, волосатые? Внутри ушной раковины толстая щетина, снаружи – тонкий подшерсток.

– Ты подохнешь раньше меня, – сообщил я и вразвалочку пошел прочь, стараясь разозлить старика еще сильнее.

Нынче, в зрелые годы, я вижу одно из своих человеческих предназначений в том, чтобы создавать у молодых иллюзию, будто я им завидую. Нет, в каком-то смысле я действительно им завидую, потому что, грубо говоря, подохну раньше, но в других отношениях – нисколько. И при виде влюбленных парочек, вертикально переплетенных где-нибудь на углу или горизонтально переплетенных в скверике, на расстеленном одеяле, мне больше всего хочется их защитить. Не пожалеть, а именно защитить. Хотя они вовсе не нуждаются в моей защите. И все же (вот курьез) чем более демонстративно их поведение, тем сильнее мой душевный отклик. Мне хочется защитить этих ребят от напастей, которые, по всей вероятности, готовит для них этот мир, а также от тех, что они,

по всей вероятности, навлекут друг на друга сами. Но такой возможности я, конечно, не имею. Моя забота никому не нужна, а их самоуверенность граничит с безумием.

* * *

Я даже гордился тем, что завел роман – видимо, наиболее одиозный, с родительской точки зрения, из всех возможных. У меня нет желания – особенно на этой поздней стадии – выставять родителей этаким жупелом. Их чета была продуктом своего времени, возраста, социальной среды и генофонда – точно так же, как и я сам. Они не сидели без дела, не опускались до лжи и своему единственному чаду желали только добра. Те недостатки, которые я у них находил, в другом ракурсе представляли достоинствами. Но в ту пору...

– Привет, мам, пап, должен вам кое-что сказать. Если честно, я голубой, как вы, наверно, уже догадались, и через неделю улетаю на отдых вдвоем с Педро. Да, мама, это тот самый Педро из нашей Деревни, твой парикмахер. В общем, он поинтересовался моими планами, а я спросил: «Какие будут предложения?» – и пошло-поехало. Мы с ним летим в Грецию, на остров.

Представляю, как были бы убиты мои родители, которых всегда тревожила людская молва, как они замкнулись бы на время в четырех стенах, чтобы за закрытыми дверями обсудить этот болезненный вопрос и обрисовать для меня грядущие сложности, а по сути дела – отражения их собственного смятения чувств. Но потом, решив, что времена меняются, они бы героически приспособились к такому неожиданному повороту событий, и мама только задалась бы вопросом: прилично ли будет ей и впредь записываться на стрижку к Педро, и в конце концов – самое ненавистное – наградила бы себя почетным знаком за новообетенную терпимость и одновременно вознесла бы хвалу Господу (в которого не верила) за то, что ее бедный отец не дожил до этого дня...

Да, все бы как-то устаканилось, пусть и не вдруг. Равно как и в том случае, если бы события развивались по иному сценарию, не сходявшему тогда с газетных полос.

– Привет, родители, это Синди, моя девушка, и даже, как вы сами видите, более того: через пару месяцев она станет мамочкой. Да вы не волнуйтесь, у нас это

произошло за воротами школы, и Синди уже достигла возраста согласия, но времечко тикает, так что не откладывайте знакомство с ее родителями и срочно закажите для нас регистрацию.

Да, они бы и с этим справились. Но, как уже сказано выше, мои отец и мать лелеяли совсем другой сценарий: чтобы в теннисном клубе я познакомился с безропотной милашкой Кристиной или Вирджинией и чтобы за нашим знакомством последовали традиционная помолвка, традиционное венчание и традиционный медовый месяц, ведущий к традиционному продолжению рода. Но вместо этого я, отправившись в теннисный клуб, подцепил там миссис Сьюзен Маклауд, замужнюю даму, прихожанку местной церкви, мать двух взрослых (старше меня) дочерей. И по причине этой глупой детской влюбленности ничто в нашем доме не обещало помолвки, венчания, а тем более топота детских ножек. Ожидать следовало только неловкости, унижений, позора, чопорных соседских взглядов и тонких намеков на растление малолетних.

Вот так я создал для родителей ситуацию, выходящую столь далеко за пределы допустимого, что ее невозможно было даже признать – не то что разумно обсудить. И мамина первоначальная идея позвать чету Маклауд на бокал хереса увяла сама собой.

* * *

Заморочки с родителями. От них не были избавлены и мои университетские друзья: Эрик, Барни, Иэн и Сэм – предки доставали всех, но по-разному. Надо сказать, что мы отнюдь не были наркотами-хиппарями в лохматых дубленках. Мы были нормальными – в той или иной степени – парнями из приличных семей, обреченными на непростое взросление. Мы делились своими историями, в большинстве случаев будто бы написанными под копирку, но Барни давал остальным сто очков вперед. Не в последнюю очередь потому, что с родителями он совершенно не церемонился.

– Так вот, – начал Барни, когда мы, встретившись после каникул, обменивались мрачными впечатлениями о жизни в родительском доме. – Торчу я, значит, уже три недели у предков в Пиннере и как-то раз смотрю на часы – десять утра, а меня даже не тянет вылезти из постели. Прикиньте: чего ради? И вдруг слышу: дверь спальни отворяется и входят мать с отцом. Присаживаются у меня в ногах, и мамаша интересуется: мол, известно ли мне, который час.

– Почему они себе позволяют входить без стука? – возмутился Сэм. – А вдруг ты там дроишь?

– Ну, я, естественно, говорю: по моим расчетам, должно быть утро. Они начинают выпрашивать, какие у меня планы на текущий день, а я отвечаю, что до завтрака ничего не могу сказать на сей счет. У папаши начинается сухой кашель – верный признак закипания. И что я слышу: родная мать советует мне использовать каникулы с толком, дабы заработать на карманные расходы. Пришлось разъяснить, что в мои планы уж всяко не входит унижительный ручной труд.

– Неплохо, Барни, – хором сказали мы.

– И тут мамаша спрашивает, не собираюсь ли я бездельничать всю свою жизнь. Ну, вы же понимаете, я начинаю раздражаться – в этом мы схожи с отцом – и медленно закипаю, но хотя бы не выдаю этого предупредительным кашлем. Короче, отец психует, вскакивает, раздергивает шторы и орет: «Ты как себя ведешь? Здесь тебе не какая-нибудь паршивая ночлежка!»

– Это старо. Все мы нечто подобное слышали. И что ты ему ответил?

– Я ему ответил так: «В паршивой ночлежке паршивые хозяева не посмели бы врываться ко мне в десять утра и плюхаться на кровать, чтобы выносить мне мозг».

– Ну, Барни, ты даешь!

– Я счел, что это провокационные действия.

– Ну, Барни, ты даешь!

* * *

Итак, семейство Маклауд включало Сьюзен, мистера СБ и двух дочерей, обучавшихся в каком-то университете: мы называли их мисс Б. и мисс НТ. Хозяйство вела старуха-экономка миссис Дайер, которая приходила два раза в

неделю. Подслеповатая во всем, что касалось наведения чистоты, она обнаруживала удивительную зоркость, когда поворачивала молоко и овощи. А кто еще бывал в этом доме? Никакие визитеры даже не упоминались. По выходным Маклауд играл в гольф; Сьюзен посещала теннисный клуб. Приходя к ним на ужин, я никогда не заставлял там гостей. На мой вопрос, с кем они общаются, Сьюзен ответила как никогда сухо:

– У девочек есть подруги – иногда они к нам заезжают.

Нельзя сказать, что это был ответ по существу. Зато примерно через неделю Сьюзен заявила, что мы должны провести Джоан.

– Ты поведешь, – распорядилась она, передавая мне ключи от «остина» Маклаудов.

Это выглядело как повышение в должности, и я уделил особое внимание плавному переключению скоростей.

Джоан, жившая милях в трех от Деревни, приходилась сестрой (единственной оставшейся в живых родственницей) Джеральду, который много лет назад был влюблен в Сьюзен, но, к несчастью для всех, скоропостижно умер от лейкемии. Целиком посвятив себя их с Джеральдом отцу, Джоан заботилась о старике до его последнего вздоха и не устроила свою судьбу; она держала собак и после обеда привычно выпивала стаканчик-другой джина.

Мы остановились у невысокого фахверкового дома, спрятанного за грядой буковых деревьев. Джоан, попыхивая сигаретой, отворила дверь, обняла Сьюзен и с любопытством воззрилась на меня.

– Молодого человека зовут Пол. Сегодня он за рулем. Мне надо будет проверить зрение – думаю, пора заказать новые очки. Мы познакомились в теннисном клубе.

Джоан покивала:

– Все, больше не буду глазеть.

Женщина крупного телосложения, она встретила нас в нежно-голубом брючном костюме; волосы у нее были уложены тугими буклями, на губах темнела коричневая помада, а на носу белели, так сказать, островки пудры.

Проводив нас в гостиную, она рухнула в кресло с ножной скамеечкой. Джоан была лет на пять старше Сьюзен, но мне казалось, их разделяет целое поколение. На одном подлокотнике обложкой кверху лежал сборник кроссвордов, на другом разместилась латунная пепельница, закрепленная кожаным ремнем с потайными грузиками. Пепельница была полна до краев.

Не успев занять свое кресло, Джоан тут же вскочила:

– Давай по чуть-чуть?

– Слишком рано, дорогуша.

– Но ты же не за рулем, – обиделась Джоан и перевела взгляд на меня. – Выпьете, юноша?

– Спасибо, нет.

– Ну, как знаете. А ты хотя бы затянись пару раз.

К моему удивлению, Сьюзен взяла сигарету и закурила. Я сделал вывод, что в этой дружбе издавна установилась определенная иерархия: Джоан главенствовала, а Сьюзен не то чтобы подчинялась, но прислушивалась. Джоан завела монолог о том, как протекала ее жизнь с момента их последней встречи; я бы сказал, основное место занимали в нем перечисления мелких неурядиц, получивших триумфальное разрешение, рассказы о собаках и о партиях в бридж, но под занавес мы услышали сногшибательную новость: на днях Джоан обнаружила в десяти милях от дома некую лавку, где ее любимый джин продавался на пару пенсов дешевле, чем в Деревне.

Изнывая от скуки, неодобрительно косясь на сигарету, которую с видимым удовольствием курила Сьюзен, я невольно выпалил:

– А вы учли, насколько больше бензина израсходовали?

Как будто моими устами заговорила мать.

Джоан взглянула на меня с интересом, в котором сквозило одобрение:

– Как, скажи на милость, я могла это учесть?

– Ну, вы же знаете, какой у вашего автомобиля расход горючего?

– Конечно знаю. – Джоан ответила так, будто незнание этого факта отдавало непростительным мотовством. – В ближних поездках мне галлона хватает на двадцать восемь миль, а если в дальних, то примерно на тридцать.

– И сколько вы платите за бензин?

– Смотря где заправляюсь, разве это не очевидно?

– Ага! – воскликнул я, изображая еще более живой интерес. – Еще одна переменная величина. У вас, случайно, нет карманного калькулятора?

– У меня есть отвертка, – засмеялась Джоан.

– А листок бумаги и карандаш найдутся?

Она принесла то, что я просил, и села рядом на диван, обдав меня табачным запахом.

– Хочу видеть процесс.

– Итак: сколько у нас магазинов и сколько бензоколонок? – начал я. – Мне нужны точные сведения.

– Ни дать ни взять упырь из налоговой! – Джоан зашлась хохотом и ткнула меня в плечо.

Я записал цены, местоположения и расстояния, зафиксировал один случай мнимой экономии средств, а потом выдал два оптимальных варианта.

– Конечно, – оживленно добавил я, – выгода будет еще более ощутимой, если ходить в Деревню пешком, а не ездить на машине.

Джоан издала притворный крик ужаса.

– Мне вредно ходить пешком! – Взяв листок с моими расчетами, она вернулась в кресло, закурила очередную сигарету и обратилась к Сьюзен: – Теперь я понимаю, сколько пользы от этого юноши.

На обратном пути Сьюзен сказала:

– Кейси-Пол, а ты, как я погляжу, хитер. Она же буквально тебе в рот смотрела.

– Всегда рад помочь богатым сэкономить, – ответил я, с осторожностью переключая скорость. – Я весь твой.

– Ты действительно весь мой, – согласилась она, подсовывая ладонь под мою левую ляжку.

– Да, кстати, что у тебя с глазами?

– С глазами? Насколько я знаю, все в порядке.

– Но ты сама сказала, что должна проверить зрение?

– Ах вот ты о чем! Я вынуждена как-то оправдывать твое присутствие.

Ну да, понятно.

Значит, я позиционировался как «молодой человек, который сегодня за рулем» и «знакомый по теннисному клубу», а потом мог рассчитывать на звание «друга Марты» и – что наименее вероятно – «протееже Гордона».

* * *

Не могу вспомнить наш первый поцелуй. Странно, правда? Хорошо помню счет 6:2; 7:5; 2:6. Во всех неаппетитных деталях помню уши того старого автомобилиста. Но напрочь забыл, когда и где мы впервые поцеловались и кто из нас сделал первый шаг; быть может, мы оба, одновременно? Или же никаких шагов не было, а просто само так вышло? Случилось ли это в автомобиле или у нее дома, утром, днем или вечером? В какую погоду? Ну, таких подробностей от меня требовать, конечно, нельзя.

Могу сказать одно: по сегодняшним меркам первый поцелуй случился очень не скоро, а после этого минуло еще больше времени, прежде чем мы с ней оказались в постели. Между этими двумя событиями я отвез ее в Лондон, чтобы приобрести контрацептивы. Не для меня, а для нее. Мы поехали в «Джон Белл энд Кройден» на Уигмор-стрит. Я припарковался за углом. Дальше Сьюзен пошла одна и вернулась с грубым бумажным пакетом, в котором лежали колпачок и тюбик какого-то противозачаточного геля.

– Хотелось бы знать, там инструкция приложена? – беззаботно сказала она. – А то я давно отвыкла.

Пребывая в торжественном возбуждении, я не сразу сообразил, о чем она говорит: о сексе или же об использовании колпачка.

– Доверься мне, – изрек я, чтобы охватить оба варианта одной фразой.

– Пол, – сказала Сьюзен, – есть вещи, которые мужчине лучше не видеть. Даже мысленно.

– Согласен. – (Значит, имелся в виду второй вариант.) – Где ты собираешься это хранить? – спросил я, ужасаясь от возможности разоблачения.

– Ну, где-то, где-то, – отвечает она.

Стало быть, мне лучше не соваться.

– Не ожидай от меня слишком многого, Кейси, – торопливо продолжает она. – Кейси. Кей-Си. Сокращенно – вокзал «Кингз-Кросс». Ты же не бросишь меня на рельсы, злодей? Не будешь сердиться и язвить, правда?

Я тянусь к ней для поцелуя на виду у пешеходов – возможно, заинтересованных лиц, шатающихся по Уимпол-стрит.

Мне уже известно, что они с мужем спят врозь, даже в отдельных комнатах. Супружеских отношений – точнее, секса – у них не было почти два десятка лет, но о причинах и подробностях я не спрашиваю. С одной стороны, мне безумно любопытно, как у других пар – не у всех подряд, конечно, – складываются интимные отношения в прошлом, настоящем и будущем. С другой стороны, когда я рядом с ней, мне не хочется вызывать в уме лишние образы.

У меня возникают вопросы: зачем ей в возрасте сорока восьми лет нужно предохраняться, неужели у нее продолжают месячные и не настало, как она выражается, «Самое Неприятное»? Но я горд, что оно не настало. Все это не имеет никакого отношения к вероятной беременности, которая бесконечно далека от моих мыслей и желаний: это имеет отношение только к ее женскому началу. Чуть не сказал «девическому», но это, наверно, было бы чересчур. Да, она старше, да, она лучше знает жизнь. Но с позиций – как бы поточнее выразиться? – возраста ее души мы с нею почти на равных.

* * *

– Я и не знал, – говорю ей, – что ты куришь.

– По одной штучке, и то нечасто. За компанию с Джоан. Или когда выхожу в сад. Ты меня осуждаешь?

– Нет, просто не ожидал. Я тебя не осуждаю. Просто мне кажется...

– Глупость какая. Ну да. Могу стащить у него сигарету, когда становится невмоготу. Ты не замечал, как он курит? Щелкает зажигалкой и сразу начинает пыhtеть, словно это вопрос жизни и смерти. Докурит до половины – и тут же брезгливо затушит. И эта брезгливая мина сохраняется, пока он снова не закурит. Минут через пять.

– Да, я заметил, но не придавал этому значения.

– А пьет еще противнее.

– Но ты сама не пьешь?

– Терпеть не могу алкоголь. Максимум, что я себе позволяю, – это рюмочку хереса под Рождество, просто чтобы не прослыть занудой. От спиртного люди меняются. Причем не в лучшую сторону.

Я не спорю. Горячительные напитки меня не интересуют, равно как и люди, которые стремятся «поднять себе настроение», «освежиться», «надраться» и так далее, то есть возвыситься в собственных глазах. И мистер СБ никак не мог служить образцовым потребителем спиртного. Перед ужином он, по словам Сьюзен, сидел за столом в окружении своих «баллонов и галлонов», то и дело наполняя высокую пивную кружку трясущейся все сильнее рукой. При этом он ставил перед собой вторую кружку, доверху наполненную закуской – зеленым луком. Через некоторое время он жеманно прикрывал рот ладонью, чтобы скрыть сдавленную отрыжку. После этого рассказа я чуть ли не на всю жизнь возненавидел зеленый лук. Да и к пиву остался более чем равнодушен.

* * *

– Знаешь, на днях мне пришло в голову, что я уже много лет не вижу его глаза. Именно так. Много лет. Странно, правда? Они вечно спрятаны за стеклами очков. А когда он снимает очки, меня, естественно, рядом нет. Да мне и неохота встречать его взгляд. С меня хватило. Думаю, у большинства женщин происходит то же самое.

В таком духе она рассказывает о себе: туманно, с двусмысленностями, не требующими ответной реакции. Случается, одно наблюдение переходит в другое; случается, она бросает какое-то обрывочное утверждение, словно преподает мне житейские истины.

– Ты должен усвоить одно, Пол: наше поколение – это отработанный материал.

Меня разбирает смех. Не сказал бы, что мои родители – отработанный материал: авторитет, деньги, уверенность – все при них. Жаль, конечно, что дело обстояло именно так... Родители, по всем меркам, перекрывали мне путь к взрослой жизни. Как там больничный персонал называет тех, кто понапрасну занимает койко-места... балласт. Они, скорее, были духовным балластом.

Я прошу ее пояснить.

– По нашим судьбам прокатилась война, – говорит Сьюзен. – И многого нас лишила. Теперь от нас толку мало. Нужно дать дорогу таким, как ты. Посмотри на наших политических деятелей.

– Ты предлагаешь мне уйти в политику? – Я не верю своим ушам.

Политиков я презираю: в моих глазах это самовлюбленные негодяи, ловкачи. Ни с одним из них я, конечно же, не был знаком лично.

– Из-за того, что люди твоего склада не идут в политику, мы и прозябаем в болоте, – настаивает Сьюзен.

И вновь я озадачен. Мне даже непонятно, что представляют собой «люди моего склада». Среди моих школьных и университетских приятелей считалось делом чести отгораживаться от тех вопросов, которые постоянно мулсируют политики. А вдобавок их великие тревоги – советская угроза, распад империи, налоговое бремя, наследственные пошлости, жилищный кризис, влияние профсоюзов – еще и пережевывались, что ни вечер, у семейного камина.

Мои родители обожали смотреть мыльные оперы, но от сатирических программ испытывали неловкость. В Деревне было не купить журнал «Прайвит Ай», но я, приезжая на каникулы, всякий раз привозил из университета кипу свежих номеров и вызывающе разбрасывал по всему дому. Помнится, к обложке одного номера капелькой клея крепился конверт с грампластинкой на тридцать три оборота в минуту. А под ним обнаружилось фото сидящего на унитаза мужчины со спущенными брюками и трусами; срам прикрывали только края рубашки. При помощи фотомонтажа голову этого анонимного бесстыдника заменили портретом премьер-министра, сэра Алека Дуглас-Хьюма, у которого изо рта вылетала фраза: «Срочно верните пластинку на место!» Мне это казалось верхом остроумия, но мать, которой я показал тот коллаж, сочла его ребячеством и пошлостью.

Затем я показал его Сьюзен, и та согнулась от смеха. Единым махом удалось расставить по местам все: меня, маму, политику, Сьюзен.

Смеяться над жизнью – неотъемлемая черта ее характера. Этим Сьюзен и отличается от других представителей отработанного поколения. Ее смешит то же самое, что и меня. А еще она смеется, когда попадает мне в затылок теннисным мячом и когда слышит о грядущем знакомстве с моими родителями за бокалом хереса; она смеется над мужем, точно так же как над скрежетом тормозных колодок «остина». Я, естественно, убежден: она потому смеется над жизнью, что многое повидала и досконально знает эту самую жизнь.

– Кстати, – говорю я, – кто такой «Чтоский»? Как это понимать?

– А, ты имеешь в виду «Чтоский и Ктоский»?

– Возможно.

– Так говорят друг другу русские шпионы, глупыш, – отвечает она.

* * *

На первом нашем свидании – я имею в виду любовное свидание – мы наговорили друг другу с три короба неизбежной лжи, а потом уехали подальше в Гемпшир и сняли отдельные номера в какой-то гостинице.

Стоим, разглядываем необъятное пурпурное покрывало с ворсом; она говорит:

– Какую выбираешь? Правую сторону или левую?

Двухспальная кровать для меня внове. Спать всю ночь с кем-то вместе для меня внове. Кровать поражает своими размерами, освещение тусклое, из ванной комнаты несет дезинфекцией.

– Я тебя люблю, – шепчу я.

– Что ты такое говоришь! – возмущется она и берет меня под руку. – Сперва полагается девушку поужинать, а уж потом любить.

У меня уже возникла эрекция, причем отнюдь не обобщенная. А очень и очень конкретная.

Сьюзен застенчива. Никогда не раздевается в моем присутствии, а когда я захожу в спальню, она уже лежит в постели, облачившись в ночную сорочку. Всегда при погашенном свете. Меня эти детали нисколько не напрягают. Да и все равно мне кажется, будто во тьме я вижу как днем.

* * *

Ничуть не больше напрягает и то, что она не обучает меня, как пишут в романах, «искусству любви». Как я уже сказал, мы оба неопытны. А она принадлежит к тому поколению, которое убеждено, что в первую брачную ночь мужчина «сам знает, что нужно делать», – так общество оправдывает любые, даже самые грязные добрачные связи мужчин. В том, что касается Сьюзен, я воздержусь от подробностей, хотя изредка она бросает отдельные намеки.

Однажды в послеобеденный час лежим мы в постели у нее дома, и я порываюсь уйти до прихода Кое-Кого.

– Правильно, – задумчиво тянет Сьюзен. – Вообрази: в студенческие годы ему нравилась передняя часть маскарадного слона, если ты меня понимаешь. Да и впоследствии, наверно, тоже. Как знать? У каждого есть своя тайна, верно?

– А у тебя какая?

– У меня? Ну, он мне повторял, что я фригидна. Правда, уже потом. Когда ничего было не исправить.

– Не знаю, по мне – ты далеко не фригидна, – говорю я с возмущением собственника. – По мне – ты очень даже... горячая.

Вместо ответа она гладит меня по груди. Я плохо понимаю, в чем заключается женский оргазм, и почему-то убежден, что сама продолжительность акта в какой-то момент автоматически взрывает женщину. Происходит нечто похожее на преодоление звукового барьера.

Не в состоянии продолжать дискуссию, начинаю одеваться. Потом говорю себе: «Она теплая, нежная, она меня любит, сама зовет в постель, нас хватает надолго, по мне – она вовсе не фригидна, о чем тут говорить?»

* * *

Мы обсуждаем все на свете: в каком состоянии пребывает этот мир (хуже некуда), в каком состоянии находится ее брак (хуже некуда), каковы общие черты и нравственные ценности Деревни (хуже некуда) и, наконец, какова природа смерти (хуже некуда).

– Не странно ли? – размышляет она. – Моя мать умерла от рака, когда мне было всего десять лет, и я о ней думаю лишь за стрижкой ногтей на ногах.

– А о себе?

– Чтоский?

– О себе – как ты будешь умирать.

На короткое время она умолкает.

– Смерть меня не страшит. Просто обидно будет не увидеть дальнейшего.

Чего-то я недопонял.

– Ты имеешь в виду загробный мир?

– Ну нет, ни во что подобное я не верю, – твердо отвечает она. – Зачем такие неприятности? Люди, которые при жизни старались держаться друг от друга подальше, вдруг оказываются вместе, как за ненавистной партией в бридж.

– Не знал, что ты играешь в бридж.

– Я не играю. Разве в этом дело, Пол? Вообрази: все эти люди, которые делали тебе гадости, опять замаячат у тебя перед глазами.

Тут я делаю паузу; ее заполняет Сьюзен.

– У меня был дядюшка, дядя Хамф. От Хамфри. Меня отправляли погостить к нему и тете Флоренс. После смерти мамы, когда мне было лет одиннадцать-двенадцать. Тетя уложила меня спать, поцеловала на ночь, поправила одеяло, выключила свет. И как только я начала засыпать, край кровати просел под какой-то тяжестью: это дядя Хамф, воняющий сигарами и бренди, тоже пришел за поцелуем на ночь. А в следующий раз осведомился: «Знаешь, что такое французский поцелуй?» – и не успела я ответить, как его мерзкий язык оказался у меня во рту и забился там, как рыба. Надо было прямо тогда его откусить. Так продолжалось каждое лето, пока мне не исполнилось шестнадцать. Нет, я понимаю, что бывает и хуже, но, вероятно, именно после этого я и стала фригидной.

– Не наговаривай на себя, – упорствую я. – А этому гаду одна дорога – в пекло. Если на свете есть хоть какая-то справедливость.

– Справедливости нет, – отвечает она. – Ее не существует ни здесь, ни в других пределах. А загробный мир – это, видимо, невероятных размеров бридж-клуб, где дядя Хамф объявляет шесть без козырей, берет все взятки и требует себе в награду французский поцелуй.

– Ты, как видно, глубоко вникла в эту область, – поддразниваю я.

– Дело вот в чем, Кейси-Пол: если хоть в каком-нибудь из миров такой человек останется в живых, это будет кошмар, сущий кошмар. А чего мы не пожелаем своему врагу, того едва ли можем хотеть для себя.

* * *

Не знаю, когда у меня появилась эта привычка – вне сомнения, где-то на раннем этапе – сжимать ей запястья. Возможно, поначалу это было как игра: проверить, смогу ли я обхватить их большим и средним пальцем. Но я делал это все чаще. Она протягивает ко мне кулачки, говоря: «Стисни мне запястья, Пол». Я обхватываю их разом и сжимаю что есть мочи. Смысл такого касания не требовал слов. Этот жест ее успокаивал, передавал нечто от меня к ней. Вливание, перекачивание силы. И любви.

Мое отношение к нашей любви было на удивление бескомпромиссным – подозреваю, впрочем, что первая любовь бескомпромиссна всегда. Я просто говорил себе: что ж, если наша любовь утвердилась как данность, значит вокруг нее должна строиться вся оставшаяся жизнь. У меня не было ни малейшего сомнения, что так и будет.

Из школьной программы по литературе я запомнил, что Страсть расцветает там, где есть Преодоление; но когда сам впервые испытал это чувство, известное прежде только по книгам, всякие препятствия стали казаться не просто лишними, но и совершенно нежелательными. Однако я был чересчур наивен в эмоциональном отношении, а быть может, и попросту не замечал тех препятствий, которые отчетливо виделись другим.

Возможно также, что я не сделал для себя никаких выводов из прочитанного. Скорее всего, на практике моя мысль работала так: сейчас мы, двое, находимся вот здесь, а должны во что бы то ни стало прийти вот туда. И хотя мы в конце концов оказались примерно там, где я мечтал, мне даже в голову не приходило, какая цена будет за это заплачена.

* * *

Я уже говорил, что не помню, какая стояла погода. А также как я был одет, что ел. В ту пору одежда казалась побочной необходимостью, а пища – всего лишь топливом.

Забылось даже то, что, по идее, должно остаться в памяти: например, цвет универсала Маклаудов. Кажется, автомобиль у них был двухцветный. То ли серый с зеленым, то ли голубоватый с бежевым. В самом деле, проведя не один знаменательный час на его кожаных сиденьях, я затрудняюсь вспомнить оттенок. А из чего была передняя панель – из ореха? Да какая, в сущности, разница? Для моей памяти определено разницы нет, а моим проводником здесь служит именно память.

Кроме того, есть сведения, на которые я попросту не хочу сейчас отвлекаться. Например: какие предметы я изучал в университете, как выглядела моя комната в общежитии, чем Эрик отличался от Барни, а Иэн от Сэма и у кого из них была рыжая шевелюра. Скажу только, что Эрик на долгие годы остался мне самым

близким другом; с окружающими он всегда был мягок, предупредителен, доверчив. И вместе с тем – а возможно, в силу этих самых качеств – в нашей компании у него возникало больше всех проблем с девушками, а впоследствии – с женщинами. Неужели в его мягкости и незлобивости таилось нечто такое, что провоцировало низость окружающих? Хотелось бы найти ответ на этот вопрос, тем более что в ту пору я и сам Эрика сильно подвел. Ушел в сторону, когда ему требовалась моя помощь; можно сказать, предал. Но об этом потом.

И еще кое-что. Описывая Деревню с позиций агента по недвижимости, я мог допустить отдельные неточности. Взять, к примеру, желтые мигающие шары у пешеходного перехода. Вполне возможно, что я прибавил их от себя, поскольку сегодня почти у каждой «зебры» услужливо светит пара таких маячков. Но тогда в графстве Суррей, да еще на дороге, которую не назовешь оживленной... очень сомнительно. Можно, наверное, устроить проверку на подлинность: сходить в центральную библиотеку, разыскать там старые открытки, а то и порыться в личных архивах, куда я изредка добавляю один-два снимка, и соответствующим образом подкорректировать свой рассказ. Но я же не реконструирую прошлое, а только вспоминаю. Так что существенную правку вносить не хочется. Может статься, вы ожидаете большего. Может статься, вы привыкли к большему. Ничем не могу помочь. Я не пытаюсь закрутить сюжет; я пытаюсь рассказать правду.

* * *

Вспоминаю, как Сьюзен играла в теннис. Моя собственная игра – по-моему, об этом сказано выше – была по преимуществу любительской, я полагался на хлесткие удары запястьем, не уделял должного внимания положению корпуса и в последний миг умышленно менял направление удара, отчего сам обалдевал не меньше, чем мой соперник.

Когда же я играл против Сьюзен, эти ленивые тактические приемы зачастую ослабляли мой неумный азарт. Ее манера игры базировалась на солидной подготовке: Сьюзен тщательно обрабатывала каждый удар с отскока, выходила к сетке лишь в случае крайней необходимости, бегала так, что только пятки сверкали, и в равной степени смешливо реагировала на победы и поражения. Таковы были мои первые впечатления от ее игры, и я, недолго думая, распространил их на ее характер. Мне представлялось, что она и в жизни спокойна, организована и надежна, играет глубоко и на задней линии неукоснительно обеспечивает поддержку своему нервному, импульсивному

партнеру, когда тот играет у сетки.

На летних клубных соревнованиях мы с ней заявили на турнир смешанных пар. В первом круге за нашей игрой против какого-то старичья лет пятидесяти с лишним наблюдали трое зрителей. Среди них, к моему удивлению, оказалась Джоан. Когда мы менялись сторонами и она исчезала из поля зрения, до меня все равно доносился ее кашель курильщицы. Старичье загоняло нас до полусмерти, играя так, как и подобает супружеской паре: они инстинктивно предугадывали все тактические ходы друг друга и обходились без слов, а уж тем более без выкриков. Сьюзен, как всегда, играла солидно, а я по-дурацки мельтешил. Самонадеянно перехватывал мячи, отбивал те, которые следовало пропустить, и элементарно впал в прострацию, когда старичье выиграло сет и победило со счетом 6:4.

Потом мы сидели вместе с Джоан, взяв на троих два чая и один джин.

– Извините, что подвел вас, – сказал я Сьюзен.

– Ничего страшного, Пол, мне практически все равно.

От ее уравновешенности я еще больше досадовал на себя.

– Да, но мне не все равно. Я наделал массу глупостей. Был абсолютно бесполезен. Первая подача вообще не шла.

– Потому что опускаешь левое плечо, – неожиданно встряла Джоан.

– Но я же подаю правой, – с некоторым раздражением ответил я.

– Вот именно. Поэтому левое плечо опускать нельзя. Чтобы не терять равновесие.

– Я не знал, что вы разбираетесь.

– Разбираюсь? Ха! Да я сто раз выигрывала этот сраный турнир! Пока колени гнулись. Тебе бы взять несколько уроков, юноша, вот и все. Но кисти у тебя в порядке.

– Смотри-ка: покраснел! – без надобности отметила Сьюзен. – Раньше за ним такого не водилось.

Позднее, в машине, я спрашиваю:

– Джоан правду говорит? Она в самом деле прилично играла?

– О да. На уровне графства им с Джеральдом практически не было равных. Она и в одиночном разряде показывала класс – ты, наверное, догадался, – но потом ее стали подводить колени. Впрочем, ее коньком была парная игра. Где нужно получать и оказывать поддержку.

– Мне нравится Джоан, – говорю я. – Мне нравится, как она сквернословит.

– Да, это все подмечают – одним это претит, другим нет. Джин, сигареты, бридж, собаки. И сквернословие. Джоан далеко не проста.

– А я ничего и не говорю, – запротестовал я. – Тем более она сказала, что кисти у меня в порядке.

– Не пытайся острить без передышки, Пол.

– Ну, знаете, мне всего девятнадцать, как не устают повторять мои родители.

Сьюзен ненадолго умолкает, а потом сворачивает в «карман» и тормозит. Смотрит вдаль сквозь лобовое стекло.

– Когда умер Джеральд, переживала не я одна. Джоан была безутешна. Они рано остались без матери, отец с утра до ночи трудился в страховой компании, так что брат с сестрой были предоставлены сами себе. А когда Джеральда не стало... она просто сорвалась с катушек. Спала со всеми подряд.

– Дело житейское.

– И да и нет, Кейси-Пол. Все зависит от того, кто ты и кто они. И у кого больше жизненных сил. Обычно у мужчины.

– Мне кажется, у Джоан жизненных сил предостаточно.

– Это показное. Все мы что-то делаем напоказ. Придет день – и ты будешь устраивать показательные выступления, уж поверь. Джоан была неразборчива в связях. Поначалу это вроде бы не играло роли, коль скоро она не забеременела и никак не пострадала. В самом деле. Но потом ей вскружил голову... не будем уточнять кто. Естественно, женатый, естественно, богач, естественно, распутник. Снял ей квартиру в Кенсингтоне.

– Ничего себе. Джоан была... содержанкой?.. наложницей?

Эти слова и обозначаемые ими сексуальные ипостаси я почерпнул из книг.

– Называй, как хочешь. Все равно это будет неточно. Слова редко бывают точны. Как бы ты назвал себя? А меня? – (Я промолчал.) – Джоан просто помешалась на этом негодяе. Ждала, верила его обещаниям, изредка летала с ним на выходные в Европу. Три года он морочил ей голову. И вот наконец, как обещал, развелся с женой. Джоан решила, что пробил ее счастливый час. Более того, она готовилась всех нас посрамить. «Пробил мой счастливый час», – твердила она.

– И ошибалась?

– Он женился на другой. Джоан узнала об этом из газет. Собрала все подаренные им наряды, бросила на пол в гостиной, обрызгала бензином из баллончика для зажигалок, чиркнула спичкой и хлопнула дверью, бросив ключи от съемной квартиры в почтовый ящик. Вернулась к отцу. Свалилась как снег на голову. Подозреваю, что от нее тянуло паленым. Отец не сказал ни слова, ни о чем не спрашивал, просто прижал ее к груди. Прошел не один месяц, прежде чем она ему открылась. Если ей в чем-то и повезло – впрочем, какое уж тут везенье, – то лишь в одном: что огонь чудом не уничтожил другие квартиры. Она только прожгла дорогой ковер. А ведь могла бы отправиться в тюрьму за убийство. После того случая она беззаветно ухаживала за отцом. Увлеклась собаками, хотела стать заводчицей. Научилась коротать время. В этой жизни все мы ищем для себя безопасную гавань. А не найдя, учимся коротать время.

Я про себя думаю: передо мной вряд ли встанет такая проблема. Жизнь слишком полнокровна, и так будет всегда.

– Вот несчастная старушка Джоан, – говорю я вслух. – Кто бы мог подумать.

– Она жульничает, когда решает кроссворды.

Не усматриваю логики.

– Что-что?

– Жульничает. Ищет ответы в справочниках. А не найдя – она сама мне призналась, – вписывает любое слово, подходящее по буквам. Но это извращает саму идею... а вообще говоря, ответы есть в конце любого сборника кроссвордов.

Я в недоумении, а потому только повторяю:

– Несчастливая старушка.

– И да и нет. И да и нет. Вы не забываете, юноша. История любви у каждого своя. У каждого. Пусть она закончится крахом, угаснет, пусть даже не начнется вовсе и останется в воображении, но от этого она не станет менее реальной. Наоборот, она может стать даже более реальной. Иногда встречаешь пожилых супругов, которые, как видно, до смерти наскучили друг другу, и диву даешься: что между ними общего, почему они до сих пор вместе? И оказывается, не потому, что их держат условности, привычка или самоуспокоенность. А потому, что у них есть история любви. Она есть у каждого человека. И это – единственная история.

Молчу. Я получил отповедь. Причем не от Сьюзен. А от жизни.

* * *

В тот же вечер я пригляделся к родителям и внимательно прислушался к их разговорам. Сделал попытку представить, будто у них за плечами тоже есть история любви. Из стародавних времен. Но продвинулся я недалеко. Затем постарался представить, что у каждого из них все же была любовная история, но совершенно отдельная, либо до свадьбы, либо – что еще более щекотливо – в браке. Но и тут ничего не срасталось; я сдался. Почему-то эти мысли вытеснялись другими: а способен ли я, подобно Джоан, играть некую роль, не

вызывающую любопытства? Как знать?

Потом я мысленно отмотал события назад и попытался представить, как складывалась родительская жизнь до моего появления на свет. Вижу, как они начинают путь: бок о бок, рука об руку, счастливые, уверенные, шагают вперед по борозде, выстланной мягкими, нежными травами. Кругом тянутся бескрайние цветущие луга, природа никуда не спешит. Жизнь идет своим чередом лет десять, а то и двадцать, ровно и мирно, не предвещая опасностей, но мало-помалу из-под изумрудной зелени начинают проглядывать бурые проплешины, борозда углубляется, а края становятся выше, и что за ними творится – уже не видно. Из борозды теперь не выбраться, возврата нет. Вверху только небо, и к нему тянутся бурые земляные валы, грозя похоронить под собой путников.

В мои планы совершенно не входило увязать в такой борозде. Или становиться заводчиком собак.

* * *

– Постарайся понять, – говорит Сьюзен. – В семье было трое детей. В те годы образование давали прежде всего мальчикам. Филип отучился как положено, а на долю Алека денег хватило лишь до пятнадцати лет. Мы с Алеком были очень близки. Алека обожали все, он во всем был лучшим. В положенный срок, естественно, ушел в армию – по примеру лучших. Служил в Военно-воздушных силах. Дорос до пилотирования «сандерлендов». Это самолеты-амфибии. Они подолгу летали над Атлантикой, искали подводные лодки. Патрулировали часов по тринадцать кряду. Чтобы экипажи не теряли бдительности, им выдавали таблетки. Но речь сейчас о другом. Приехав домой в свой последний отпуск, Алек пригласил меня поужинать. Не в какое-нибудь шикарное заведение, а в скромный ресторан «Корнер-хаус». И там, взяв мои ладони в свои, сказал: «Сью, родная, до чего же они коварны, эти чудовища-„сандерленды“. Похоже, мне они не по плечу. Уж слишком коварны. Когда час за часом кружишь над водой, где не на чем остановить глаз, никто, даже штурман не может определить, куда нас занесло. При взлете и посадке я каждый раз молюсь. Хоть и неверующий, а все равно молюсь. И каждый раз цепенею от страха. Ну вот, высказался – и полегчало. Теперь будем уповать на четное число взлетов и посадок». С тех я его больше не видела. Через три недели нам пришло сообщение, что он пропал без вести. Самолет бесследно исчез. И я всегда представляю, как Алек над водой цепенеет от страха.

Я обнимаю ее за плечи. Она хмуро стряхивает мою руку.

– Погоди, это еще не все. Мне казалось, что вокруг постоянно кишат мужчины. Шла война: думаешь, их дело – воевать, но многие, уж поверь мне, ошивались в тылу. Людишки мелкого пошиба. Среди них случайно затесался Джеральд, который дважды пытался пройти медкомиссию, но так и не смог, а потом и Гордон, которому, как он любил повторять, «дали бронь». У Джеральда была мягкая натура и приятная внешность, Гордон же вечно пытался язвить, но в любом случае мне просто нравилось танцевать с Джеральдом. Мы с ним обручились – пойми, в военное время так было принято. Не могу сказать, что я потеряла голову от любви, но Джеральд, вне сомнения, был добрым человеком. А потом он скоростижно умер от лейкемии. Я уже рассказывала. Надо же было такому случиться. И я подумала, что нужно выйти хотя бы за Гордона. Надеялась его перевоспитать. Однако, если ты мог заметить, такое попросту невозможно.

– Но ведь...

– Согласись: мы – отработанное поколение. Лучшие ушли. Остались людишки мелкого пошиба. В этом суть любой войны. Поэтому теперь одна надежда – на твое поколение.

Я не ощущаю своей принадлежности к какому-либо поколению и ни под каким видом – хоть и поражен ее рассказом, ее историей и предысторией – не хочу идти в политику.

* * *

Однажды мы, собравшись куда-то прокатиться, сели в мою машину – защитного цвета «морис-майнор» с откидным верхом. Сьюзен сказала, что он напоминает штабной немецкий автомобиль для низшего состава. Пустая дорога шла в гору. Я никогда не лихачил, но тут втопил педаль, чтобы эффектно преодолеть длинный подъем. И метров через пятьдесят почувствовал: что-то не так. Притом что я убрал ногу с педали газа, машина разгонялась как бешеная. Я инстинктивно ударил по тормозам. Это не помогло. Во мне одновременно проснулись паника и ясность мысли. Не верьте, если вам скажут, будто эти состояния несовместимы. Двигатель ревел, визжали тормоза, машину бросало из стороны в сторону, скорость держалась на уровне сорока-пятидесяти миль в час. У меня даже в мыслях не было спросить совета у Сьюзен. Я считал, что это моя

проблема – мне ее и решать. И тут меня как ударило: выжми сцепление. Так я и сделал. Автомобильная истерия прекратилась, и мы замерли у обочины.

– Молодчина, Кейси-Пол, – говорит Сьюзен. В ее устах это двойное имя обычно служит признаком одобрения.

– Как же я сразу не сообразил? В самом деле, достаточно было выключить зажигание. И дело с концом. Но мне такое даже в голову не пришло.

– По-моему, на спуске будет автосервис. – Сьюзен как ни в чем не бывало выходит из машины.

– Ты испугалась?

– Нет. Я знала, что ты найдешь выход из любого положения. Мне с тобой всегда спокойно.

Хорошо помню, как она это сказала и как я раздулся от гордости. Но столь же отчетливо запомнились и те ощущения, которые охватили меня в неуправляемом автомобиле, который не слушался тормозов и зигзагом летел по шоссе.

* * *

Должен рассказать вам, какие у нее были зубы. Ну хотя бы передние. Верхние резцы. Она сама говорила о них «кроличьи зубы», потому что их длина где-то на миллиметр превышала строгий национальный стандарт; но мне виделась в этом особая изюминка. Бывало, я легко постукивал по ним средним пальцем, проверяя, оба ли на месте и надежны ли, как она сама. Это превратилось в регулярное действие, чем-то похожее на инвентаризацию.

* * *

У нас в Деревне все взрослое население – точнее, все население средних лет – увлекалось кроссвордами: мои родители, их знакомые, Джоан, Гордон Маклауд. Единственное исключение составляла Сьюзен. Особенно ценились головоломные кроссворды из «Таймс» и «Телеграф», а Джоан вдобавок покупала сборники,

чтобы не дожидаться очередного номера газеты. Я с некоторым презрением взирал на эту типично британскую форму досуга. В ту пору мне нравилось вскрывать тайные мотивы (предпочтительно лицемерные), скрытые за явными. Понятно же, что это безобидное на первый взгляд занятие не сводилось к отыскиванию ответов на замысловатые вопросы и заполнению клеток. Мой анализ выявил следующие факторы: 1) желание свести вселенский хаос к ограниченной и понятной черно-белой фигуре, расчерченной на квадраты; 2) глубинная уверенность, что в этой жизни рано или поздно для всего находится решение; 3) подтверждение того факта, что бытие – это, по сути дела, одна из форм игровой деятельности, и 4) надежда, что на недолгом земном пути от рождения к смерти эта деятельность позволит отодвинуть житейские муки. Вот, похоже, и все!

Как-то вечером Гордон Маклауд, выглянув из облака сигарного дыма, обратился ко мне:

– Город в Сомерсете, семь букв, последняя «н».

Я немного подумал и предположил:

– Суиндон?

Он снисходительно поцокал языком:

– Суиндон – столица Уилтшира.

– Разве? Какой сюрприз. Вы там бывали?

– Бывал, не бывал – это к делу не относится, – ответил он. – Подойди, взгляни сюда. Может, угадаешь.

Я пересел к нему. Действительно, в верхней строке осталось шесть пустых квадратиков и за ними «н», что не давало никаких дополнительных подсказок.

– Таунтон, – провозгласил Гордон, вписывая ответ.

Я подметил у него странную манеру письма: он изображал буквы отдельными штрихами, отрывая ручку от бумаги. Притом что букву «н» можно вывести единым росчерком, он трижды заносил ручку над газетой.

– «Город в тоне Сомерсета». Здесь и зашифрован ответ. «Город» и «тон». Усек, Вьюноша?

– А, теперь дошло, – покивал я. – Остроумно.

Конечно, я просто ерничал. А к тому же не сомневался, что Маклауд сперва нашел разгадку, а уж потом обратился ко мне с вопросом. По этой причине я впоследствии внес еще один пункт в свой анализ увлечения кроссвордами, или, как выражался Маклауд, крестословицами: 3.1) ложное подтверждение своего интеллектуального превосходства.

– А миссис Маклауд решает кроссворды? – спросил я, уже зная ответ. А сам подумал: это игра для двоих.

– Крестословицы, – с некоторой иронией начал он, – не женская забава.

– Моя мама разгадывает вместе с папой. Джоан тоже увлекается.

Опустив подбородок, он смотрит на меня поверх очков.

– В таком случае нужно, видимо, постулировать, что крестословицы – забава не для женственных женщин. Что скажешь?

– Скажу, что для таких обобщений у меня маловато жизненного опыта.

Хотя в уме я уже так и этак вертел фразу «женственная женщина». Что за ней стояло: восхищение любящего мужа или завуалированное оскорбление?

– Тогда что мы имеем: двенадцать по вертикали – в середине буква «о».

Откуда ни возьмись появилось это «мы». Я уставился на вопрос. «Нота со множеством увечий»?

– Ресторан, – пробормотал Маклауд, вписывая ответ – два-три штриха на каждую букву. – Гляди: нота «ре» – и дальше «сто ран».

– Да, тоже остроумно. – Я изобразил восторг.

– Избито. Мне такое уже встречалось, – с налетом самодовольства прокомментировал он.

Подпункт 2.1): дополнительная уверенность в том, что найденное однажды верное решение подойдет и впредь для решения аналогичных задач, причем повторное использование того же самого решения создаст иллюзию пика зрелости и мудрости.

Маклауд, не спросив моего согласия, вознамерился преподать мне все тонкости решения такого рода крестословиц. Анаграммы и пути их выявления; простые слова, спрятанные внутри сложных; излюбленные газетчиками сокращения и уловки; общепринятые аббревиатуры; буквы и термины, заимствованные из шахматной нотации, воинских званий и других сфер; написание слова снизу вверх в дефиниции к слову, расположенному по вертикали, или же обратное написание в дефиниции к слову, расположенному по горизонтали.

– Вот видишь: «Да, паз» – это же «запад», только задом наперед.

Исправление к пункту 4). Прежде всего: «надежда, что эта до чертиков нудная забава даст возможность...»

Впоследствии я попытался составить анаграмму из слова ЖЕНСТВЕННОСТЬ. Ничего вразумительного у меня, конечно, не получилось. ЖЕСТЬ... СОВЕСТЬ... и прочие бессвязные обрывки.

Еще одно добавление: 1.1) удачный способ отвлечь внимание от вопроса любви, который по большому счету главенствует в этой жизни.

Тем не менее я и дальше составлял компанию Маклауду, пока тот, дымя сигаретами «плейерс», заполнял клеточки своими нелепо-механическими штрихами. Похоже, он находил особое удовольствие в том, чтобы растолковывать мне дефиниции, а мои редкие присвисты и мычания расценивал

как овации.

– Мы еще сделаем из него специалиста по крестословице, – заметил он жене за ужином.

Иногда у нас с ним находились общие занятия. Не очень существенные, не очень продолжительные, но все же. К примеру, он звал меня в огород, чтобы вбить колышки и натянуть веревку для идеального выравнивания капустных грядок. Пару раз мы слушали радиотрансляцию какого-то международного матча по крикету. Однажды он попросил меня помочь, по его выражению, «заправить автомобиль горючим». Я поинтересовался, какую именно бензоколонку он собирается осчастливить. Ближайшую, ответил он, как и следовало ожидать. Я рассказал, что в случае с излюбленным напитком Джоан проанализировал соотношение цен и расстояний.

– Какая скучища, – прокомментировал он мои выкладки, а потом осклабился.

Я поймал себя на том, что много раз видел его глаза. А Сьюзен не видела их годами. Вероятно, она преувеличивала. Или, быть может, просто не давала себе труда внимательно посмотреть.

ЕСТЕСТВО... НЕЖНОСТЬ... нет, все не то.

* * *

Вот какая мысль преследовала меня в ту пору: окончив школу и обучаясь в университете, я ничего не знаю о реальной действительности. Что до Сьюзен – хорошо, если она закончила хотя бы начальные классы, но знаний у нее куда больше, чем у меня. Я черпаю сведения из книг, она – из жизни.

Нельзя сказать, что я во всем с ней соглашался. Рассказывая о Джоан, она как-то сказала: «Все мы ищем для себя безопасную гавань». Я довольно долго размышлял над этими словами. И пришел к такому выводу: может, оно и верно, однако мне «всего девятнадцать», я еще молод и выбираю для себя опасные рифы.

* * *

Для описания наших отношений я, по примеру Сьюзен, пользуюсь эвфемизмами. Похоже, у нас сложилось взаимопонимание поколений. Мы с нею партнеры по теннису. Мы равнодушны к музыке и ездим в Лондон на концерты. Посещаем художественные выставки. Ну, не знаю, что еще, но как-то же мы ладим. Понятия не имею, кто из нас во что верит и насколько моя гордыня стремится к показным эффектам. Сейчас, на другом конце жизни, я безошибочно определяю, связывают ли ту или иную пару близкие отношения: если с виду кажется, что это весьма вероятно, значит так оно и есть. Но те события происходили не одно десятилетие назад, и вполне возможно, что там, где думалось «весьма вероятно», ничего такого и не было.

* * *

И еще: дочери. В том возрасте общение с девушками – как с однокурсницами, так и с теннисными Каролинами – давалось мне нелегко. До меня не доходило, что всякие... шуры-муры... смущают их не меньше, чем меня самого. И если парни запросто сыпали всякими доморощенными откровениями, то девушки в вопросах понимания мира руководствовались, как видно, Житейской Мудростью. Если девушка, ничуть не превосходившая тебя знаниями ни в какой области, изрекала: «Задним умом все мы крепки», от ее слов так и веяло фальшью. Подобная реплика могла исходить от моей матери. Другой пример житейской мудрости, запомнившийся мне с той поры: «Если опустишь планку, потом не жалуйся». Мне виделась в этом некая обреченность – как у матери сорока пяти лет, так и у двадцатилетней дочери.

Итак: Марта и Клара. Мисс Б. и мисс НТ. Мисс Брюзга и мисс Не Такая (Брюзга). Рослая, красивая Марта внешне походила на мать, но сварливый нрав унаследовала от отца. Клара, пухленькая и округлая, выказывала больше дружелюбия и живости. Мисс Брюзга относилась ко мне с неодобрением, мисс Не Такая – даже, можно сказать, с интересом. Мисс Брюзга говорила: «У тебя, что ли, своего дома нет?» Мисс Не Такая спрашивала, что я читаю, и однажды даже показала мне свои стихи. Но в то время (впрочем, как и сейчас) я мало смыслил в поэзии, так что мой отклик, видимо, ее обескуражил. Таковы, насколько я помню, были мои предварительные оценки.

Если общение с девушками в целом давалось мне нелегко, то что уж говорить о тех, которые были чуть постарше меня, да к тому же приходились дочерьми моей возлюбленной. Мое напряжение, очевидно, только подчеркивало ту безмятежность, с которой они расхаживали по дому, появлялись, исчезали, поддерживали или не трудились поддерживать беседу. Возможно, моя реакция на такое положение вещей оказалась грубоватой, но я решил уделять им не больше внимания, чем они уделяли мне. То есть еле-еле процентов пять. Меня это вполне устраивало, потому что более девяноста пяти процентов моего внимания сосредоточивалось на Сьюзен.

Поскольку от Марты исходило больше неодобрения, именно ей – то ли с вызовом, то ли с извращенным нажимом – я сказал:

– Вероятно, мне следует объясниться: Сьюзен в некотором роде моя приемная мать.

Нет, получилось не слишком убедительно, как ни крути. По всей вероятности, это прозвучало фальшиво, как будто я, скользкий тип, надумал подольститься к Марте. Та ответила не сразу, с изрядной долей сарказма:

– Лично я в приемной матери не нуждаюсь. У меня родная есть.

Неужели мое заявление было частью моей лжи? Трудно поверить.

Как ни странно, проблема разницы в возрасте совершенно меня не волновала.

Возраст, с моей точки зрения, не играл, как и деньги, существенной роли. Я не воспринимал Сьюзен в контексте родительского поколения – «отработанного» или какого-нибудь еще. Она никогда не подавляла меня авторитетом, никогда не цедила: «Вырастешь – поймешь» – ничего такого. Только родители без конца прохаживались насчет моей незрелости.

Ага, скажете вы, но ведь сам факт того, что ты признал Сьюзен своей приемной матерью, выдал тебя с головой в глазах ее дочки? Можешь сколько угодно твердить, что держал фигу в кармане, но разве шутки – это не всеобщий способ унять собственные внутренние страхи? Сьюзен, почти ровесница твоей матери, ложилась с тобой в постель. И что? Да то.

Вижу, что у вас на уме: перекресток трех дорог на пути в Дельфы.[2 - На перекрестке трех дорог вблизи города Дельфы герой древнегреческого мифа Эдип убил своего отца, которого не знал; впоследствии он женился, сам того не ведая, на собственной матери.] Послушайте, у меня не было желания – ни под каким видом, ни на каком уровне сознания – убивать родного отца и спать с родной матерью. Правда заключается в том, что у меня было желание спать со Сьюзен (и я не раз его осуществил), а кроме того, в течение нескольких лет мне не давало покоя еще одно желание: убить Гордона Маклауда, но это уже другая глава моей истории. Не вдаваясь в излишние подробности, скажу: как по мне, миф об Эдипе всегда имел скорее мелодраматическую ценность, нежели психологическую. За всю свою жизнь я не встречал ни одного человека, к кому мог бы относиться этот миф.

Вы считаете меня наивным? Хотите указать, что человеческая мотивация зарыта хитро и скрывает свои таинственные механизмы от того, кто слепо ей подчиняется? Возможно. Но даже Эдип – в особенности Эдип – не хотел убивать своего отца и спать со своей матерью, верно? Нет, хотел! Нет, не хотел! Ладно, оставим этот диалог для сцены.

Нельзя сказать, что предыстория не играет никакой роли. Наоборот, предыстория, на мой взгляд, играет ключевую роль в любых отношениях.

* * *

Лучше расскажу вам про ее уши. Я упустил их из виду при первом знакомстве в теннисном клубе, когда волосы Сьюзен были стянуты на затылке зеленой лентой в тон отделке и пуговицам платья. Обычно ее волосы кудрявились над ушами и свободно ниспадали до середины шеи. Поэтому ее ушки бросились мне в глаза лишь позднее, когда мы лежали в постели и я обшаривал, исследовал ее тело, каждый уголок и каждую складочку, все, что видел прежде и чего еще не видел: вот тогда-то, пригнувшись сверху, я отвел назад ее волосы и под ними обнаружил уши.

Об ушах я никогда раньше не задумывался, разве что в комических ситуациях. Нормальными считал незаметные уши, которые не привлекают внимания, уродливыми – те, что торчат, как крылья летучей мыши, или изувечены боксерским ударом, или мясисто-красные, волосатые, как у того разъяренного автомобилиста на пешеходном переходе. Но ее ушки, ох, ее ушки... от

деликатных, почти незаметных мочек они аккуратно разворачивались к северу, но в середине меняли изгиб под таким же углом, чтобы прильнуть к голове. Можно было подумать, что созданы они для красоты, а не для практических нужд слухового аппарата.

Когда я сообщаю об этом Сьюзен, она отвечает: «Это, наверное, для того, чтобы всякий сор пролетал мимо, не попадал внутрь».

Но это еще не все. Исследуя их кончиками пальцев, я открыл для себя нежность ушных раковин: тонких, теплых, нежных, почти прозрачных. Знаете, как называется этот внешний лабиринт? Для него есть специальное слово: завиток. Ее уши были неповторимы, как ДНК. Двойные завитки.

Позднее, пытаясь разобраться, что она имела в виду под словом «сор», который не попадает в ее изумительные ушки, я заключил, что самый грязный сор – это, пожалуй, обвинения во фригидности. Если не считать того, что слово это проникло ей в уши, а оттуда в голову, где и застряло навечно.

* * *

Деньги, повторяю, играли в наших отношениях столь же ничтожную роль, как и возраст. Платила обычно она, но это не имело значения. У меня в этом смысле не было никакой дурацкой мужской гордыни. Вероятно, безденежье даже придавало моей любви к Сьюзен оттенок благородства.

Через пару месяцев или немного позже она заявила, что мне нужно создать резервный фонд.

– Зачем?

– На случай побега. У каждого должен быть резервный фонд на случай побега.

Аналогично тому, как у каждого молодого человека должна быть репутация. Откуда пошла эта идея? Из какого-нибудь романа Нэнси Митфорд?[3 - Нэнси Митфорд (1904–1973) – британская журналистка, биограф, автор романов из жизни высшего света Англии и Франции.]

– Но я не собираюсь бежать. От кого – от родителей? Я от них и так дистанцировался. Мысленно. От тебя? С какой стати? Я хочу, чтобы ты всю жизнь была со мной.

– Ты чудесный, Пол. Но пойми: речь идет не о каком-то особом фонде. Это, так сказать, фонд общего назначения. В определенный момент у каждого возникает желание убежать от своей жизни. Это, пожалуй, единственное, что роднит всех людей.

Такие идеи выше моего понимания. Могу представить себе разве что побег вместе с ней, но не от нее.

Проходит несколько дней – и она вручает мне чек на полтысячи. Взятый напрокат автомобиль обошелся мне в двадцать пять фунтов; за целый семестр я потратил менее сотни. Так что сумма эта выглядела столь же чрезмерной, сколь и бессмысленной. Мне даже не пришло в голову слово «щедрость». У меня не было предубеждений в плане денег – ни за, ни против. В наших отношениях они ничего не решали – это я знал наверняка. В общем, по возвращении в университет я отправился в город, открыл счет в первом попавшемся банке, протянул в окошко чек и напроць о нем забыл.

* * *

Наверное, мне с самого начала следовало кое-что прояснить, иначе из моего рассказа недолго сделать вывод, будто наши отношения со Сьюзен напоминали милую летнюю интрижку. Стереотипные представления рождают именно такую мысль. Вначале совершается сексуально-эмоциональная инициация, далее следует упоительная пора наслаждений, удовольствий и потаканий, затем женщина испытывает укол совести, вспоминает, что такое честь, и отпускает молодого человека в бескрайний мир, населенный прелестями его сверстниц.

Но, как я уже сказал, у нас было не так. Мы прожили вместе – да, именно вместе – десять или двенадцать лет, смотря откуда вести отсчет времени. Эти годы пришлись на ту эпоху, которая в публицистике именовалась Сексуальной Революцией. В тот период всеобщей плотской любви (по крайней мере, так нам внушали), мимолетных удовольствий, свободных и необременительных связей во главу угла ставились неодолимые влечения и эмоциональная раскрепощенность. Так и получилось, что мои отношения со Сьюзен не укладывались ни в новые, ни

в старые нормы.

* * *

Помню такой случай: однажды вечером, надев легкое платье в цветочек, она бросилась на обитый ситцем диван.

– Смотри, Кейси-Пол! Я исчезаю! Это фокус! Здесь пусто!

Смотрю. Действительно, почти так и есть. Я отчетливо вижу ее ноги в чулках, голову, шею, но туловище вдруг растворяется.

– Ты бы не возражал, верно, Кейси-Пол? Чтобы мы вдруг стали невидимками?

Не могу взять в толк: она серьезно спрашивает или просто дурачится. Как реагировать – непонятно. Сейчас задним числом догадываюсь, что принадлежал к тому типу людей, которые все понимают буквально.

* * *

Я рассказал Эрику, что познакомился с неким семейством и нашел свою любовь. Описал Маклаудов, их дом, уклад жизни, порадовался своему красноречию. И подчеркнул, что сделал шаг во взрослую жизнь.

– Так в которую из дочек ты втюрился? – спросил Эрик.

– При чем тут дочери? Я говорю о матери.

– Ах, о матери, – протянул он и добавил, повисив мне балл за оригинальность: – Мы рады.

* * *

Однажды замечаю у нее на руке, выше локтя, темный кровоподтек – как раз там, где заканчивается короткий рукав платья. Синяк размером с отпечаток большого пальца.

– Что это? – спрашиваю.

– Да так, – беззаботно отвечает она. – Ударилась где-то. У меня сразу синяки проступают.

Да, не иначе, думаю про себя. Она так же чувствительна, как и я. Конечно, мир походя причиняет нам боль. А мы должны друг о друге заботиться.

– Когда я сжимаю тебе запястья, на них синяков не остается.

– Похоже, на запястьях вообще не бывает синяков.

– От моих пальцев.

* * *

Тот факт, что «она мне в матери годится», не нашел одобрения у моей мамы. Равно как и у отца, и у мужа и дочерей Сьюзен, и не порадовал бы архиепископа Кентерберийского, хотя тот не входил в круг друзей семьи. Но я и не стремился к одобрению, как не стремился к деньгам. А неодобрение, будь то действенное или умозрительное, рожденное незнанием или осведомленностью, только воспламеняло, укрепляло и оправдывало мою любовь.

Нового определения любви я не изобрел. Не исследовал ее суть, не просчитал возможных последствий. Я просто покорился первой любви во всех ее проявлениях, от шороха ресниц на щеке до полной категоричности суждений. Все другое отодвинулось на второй план. Конечно, я обдумывал «всю оставшуюся жизнь», как в ближайшей перспективе (высшее образование), так и в отдаленной (работа, доход, статус, завершение карьеры, пенсия, смерть). Кто-то скажет, что я отгородился от реальности. Только это неверно: моей единственной реальностью была Сьюзен, а не что-то иное. В случае необходимости всем остальным можно и нужно было пожертвовать. Впрочем, «жертва» предполагает потерю. У меня ни разу не возникло чувства потери.

Вера и государственные устои, внушают нам, вера и государственные устои. Никаких сложностей здесь не возникало. Вера – превыше всего, всегда, хотя и не в том смысле, в каком истолковал бы ее архиепископ Кентерберийский.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Fine and feathered friend» – из песни Джона Мерсера и Ричарда Уайтинга «Peter Piper», основанной на детской скороговорке и исполненной оркестром Бенни Гудмена в 1936 г.

2

На перекрестке трех дорог вблизи города Дельфы герой древнегреческого мифа Эдип убил своего отца, которого не знал; впоследствии он женился, сам того не ведая, на собственной матери.

3

Нэнси Митфорд (1904–1973) – британская журналистка, биограф, автор романов из жизни высшего света Англии и Франции.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhulian-barns/odna-istoriya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)